

**А. К. Матвеев**

## **К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА**

*The discussion around the problem of the Russian North substrate toponymy language classification, raised by Khelimsky E.A., goes on in the article. The author considers the suggested decision as perspective though some peculiarities of substrate toponyms study are not taken into account and already discovered facts are not fully used in the given classification. The suggested terminology is also arguable.*

Основываясь на изданных нами материалах [см.: Матвеев, 2001; 2004], Е. А. Хелимский предлагает выделить северо-западную группу финно-угорских языков, полагая, что северо-западные финно-угорские языки восходят к праязыку, который «в традиционной классификации фигурирует как “финно-саамский” или как “раннеприбалтийско-финский” (*varhaiskantasuomi*)» [Хелимский, 2006, 38]. В состав северо-западной группы финно-угорских языков включаются прибалтийско-финская, саамская, лопская, тоймская и, возможно, мерянская и тверская ветви [Там же, 38–40].

Предлагаемый опыт классификации перспективен, но вызывает ряд замечаний и возражений, начиная с постановки вопроса. Е. А. Хелимский считает, что «при интерпретации лексического (в первую очередь топонимического) наследия на соответствующих территориях использование северо-западных (фактически финно-саамских) и финно-угорских реконструкций более эффективно и методологически более корректно, чем обращение к данным современных прибалтийско-финских и саамских диалектов и тем более волжских, пермских, угорских и самодийских языков» [Там же, 41]. Этот тезис, однако, трудно реализовать как раз в области субстратных топонимов, поскольку их семантика неизвестна, а глу-

бокие (в нашем случае финно-саамские) реконструкции нередко спорны или вообще отсутствуют. Рассмотрим этот принципиальный вопрос более подробно.

Во-первых, надо учитывать, что мы имеем дело с мертвыми языками и «северо-западные» топонимы еще недавно интерпретировались некоторыми исследователями не как финно-саамские, а как пермские, угорские и даже самодийские. Есть ученые, которые и сейчас отстаивают угорскую версию их происхождения. Восстанавливать факты неизвестного мертвого языка при помощи праязыковых реконструкций можно только в тех случаях, когда эти реконструкции не вызывают таких сомнений, как, например, «финно-саамское» *\*järvä* ‘озеро’ [Korhonen, 1981, 89], уязвимое в свете прасаам. *\*jävrē* [Lehtiranta, 1989, 34] и субстр. РС *\*jagr(V)*, *\*jaxr(V)*. Поскольку прасаамский язык распался сравнительно недавно (приблизительно 2 000 лет тому назад) [см.: Saarikivi, 2004, 167–168] и реконструкции прасаамских лексем в большинстве случаев доказательны [Lehtiranta, 1989], прасаамские формы широко использовались и в нашей работе, тем более что вопрос о древней саамской топонимии на РС дискусионен. Напротив, прибалтийско-финские праформы не принимались во внимание, так как миграции прибалтийских финнов на территорию РС были поздними, прибалтийско-финские названия в большинстве случаев этимологически прозрачны и проблема только в том, что трудно установить конкретные источники прибалтийско-финской субстратной топонимии РС.

Во-вторых, учитывая специфику топонимической этимологии (асемантическую субстратных форм) рискованно обращаться к праязыкам, само существование которых пока не является общепризнанным. Так именно обстоит с *varhaiskantasuomi* (раннеприбалтийско-финским) языком, который правильнее было бы называть прафинно-саамским. Е. А. Хелимский, очевидно, уверен в существовании этого праязыка, но есть и столь же убежденные противники [см.: Saarikivi, 2004, 167–171], так что «вопрос о существовании раннеприбалтийско-финского языка может считаться открытым» [Там же, 169]. Тем не менее в нашей монографии иногда использовались финно-саамские реконструкции, ср. *\*pūšä* ‘святой’, *\*lešte* ‘лист’ и некоторые другие [см.: Матвеев, 2004, 235, 237]. Вполне может быть, что такой праязык действительно существовал, а после его распада возникли «северо-западные» языки, хотя термин «северо-западный» не кажется адекватным (см. о нем ниже). Но считать это доказанным можно будет только, если удастся выявить хотя бы некоторые фонетические, лексические, словообразовательные, а при особой удаче и морфолого-синтаксические черты субстратных языков (не следует забывать, что в нашем распоряжении, кроме отдельных лексических заимствований, только топонимический – порою очень ограниченный – материал), которые позволят дифференцировать выделенные ветви и выйти за рамки, уже очерченные многократно использованным прибалтийско-финским и саамским материалом.

Проблема еще и в том, что прафинно-саамские реконструкции часто спорны или вообще невозможны. О праформе *\*järvä* ‘озеро’ уже говорилось выше, для семантемы ‘лебедь’ при фин. *joutsen* и прасаам. *\*ñukce*, видимо, никто не рискнет восстанавливать финно-саамскую праформу, для ‘пролив’ при фин. *salmi* и прасаам. *\*éolmē* реконструируют *\*solma* [Korhonen, 1981, 87] и *\*colma* [Saarikivi, 2004, 197],

для 'река' – \**juka* [Хелимский, 2006, 41] и \**joke* [Korghonen, 1981, 87]. Для прасамских \**čāsē* 'вода' и \**čukčē* 'глухарь' вообще нет прибалтийско-финских соответствий. А ведь все это важнейшие топонимообразующие лексемы. Именно поэтому учитывать финно-саамские реконструкции необходимо, но трудно представить, что их использование «более эффективно и методически более корректно» [Хелимский, 2006, 41]. У топонимической этимологии давно апробированный путь: от топонимических фактов к языковым (не исключая и реконструированные) с последующим восстановлением лексического инвентаря мертвых языков, их фонетических и словообразовательных особенностей и выявлением связей с живыми и мертвыми языками. Есть надежда, что, напротив, исследование субстратной топонимии РС, открывающее новые источники для финно-угроведения, будет иметь большое значение для решения вопроса о существовании финно-саамского («северо-западного») праязыка и адекватности реконструкций его лексики (см., например, о праформе \**solma*: [Матвеев, 2004, 243–251]). Для доказательства реальности этого праязыка нужны новые факты и их объективная интерпретация. Субстратная топонимия РС в этом отношении бесценна.

В-третьих, наконец, в статье Е. А. Хелимского речь идет о северо-западной группе финно-угорских языков. Таким образом, классификация финно-угорских языков представляется в следующем виде: северо-западные (финно-саамские, а также субстратные языки РС и смежных областей), марийские, мордовские<sup>1</sup>, пермские и угорские. Поскольку обычное членение финно-угорских языков на финские и угорские тем самым элиминируется, подобную новацию следовало бы, наверное, обосновать.

Проблема связей прибалтийско-финского и саамского праязыков достаточно хорошо разработана, и это освобождает нас от необходимости касаться ее в статье. Заметим только, что нерешенность вопроса о существовании прафинно-саамского языка, а также неразработанность относительной хронологии ведут к альтернативе с далеко идущими последствиями: включать ли в состав северо-западной группы финских языков прибалтийско-финскую и саамскую ветви<sup>2</sup> по отдельности или прафинно-саамскую ветвь как целое. Этот сложный вопрос выходит, однако, за рамки нашей статьи.

Таким образом, речь должна идти о лопской, тоймской (лучше все-таки было бы «тоемской»), как это принято в местном произношении, ср. *Верхнетоемский район*), а также мерянской и тверской ветвях намечаемой северо-западной группы финских языков.

Для решения «лопской проблемы» накоплен значительный материал, который частично уже проанализирован. Возможна различная интерпретация этого материала. С нашей точки зрения, на территории РС в древности были распространены саамские наречия, наиболее существенным отличием которых от языков фен-

<sup>1</sup> Или волжско-финские (марийские и мордовские), если принимать гипотезу волжско-финского единства.

<sup>2</sup> Сохраняем терминологию, принятую Е. А. Хелимским.

носкаandinavских саамов<sup>3</sup> являлось отсутствие протосаамской лексики и соответственно употребление вместо нее других слов, обычно функционирующих в тех или иных финских языках, чаще всего прибалтийско-финских [см.: Матвеев, 2004, 226–227].

Выделяя лопскую ветвь северо-западной группы финских языков и подчеркивая, что носители лопского языка (языков?) не испытали воздействия со стороны протосаамского субстрата, Е. А. Хелимский солидаризируется с высказанным нами положением, но считает целесообразным использовать в этом случае особый термин. Действительно, сейчас с трудом представляется саамский язык без протосаамского субстрата. Но дело, разумеется, не только в термине. Ассимиляция протосаамского населения Фенноскандии произошла, видимо, не в столь отдаленные времена, когда саамы осваивали новые для них северные территории [ср.: Saarikivi, 2004, 171]. Поэтому ничто не мешает предположить, что определенная часть саамов на крайнем востоке древнего саамского ареала вообще не испытала (или почти не испытала) лингвоэтнического воздействия со стороны протосаамов по той причине, что таковых там не было (или почти не было).

Соответственно, «лопскую проблему» можно свести к следующей альтернативе.

Вариант 1. У саамов Фенноскандии и древних саамов РС был общий праязык, но с течением времени на саамов Фенноскандии (когда они продвинулись на север) воздействовал протосаамский субстрат. В этом случае говорить об особой лопской ветви вряд ли целесообразно, если только не будут выявлены такие ее языковые особенности (кроме отсутствия протосаамского субстрата), которые явно противопоставят эту ветвь саамским языкам Фенноскандии. Наличие финского термина *lappi* (> рус. *Лопь*) ‘саамы’ в этой ситуации также не будет способствовать использованию термина «лопская ветвь»<sup>4</sup>.

Вариант 2. У саамов Фенноскандии и древних саамов РС были разные корни (праязыки), а впоследствии на саамов Фенноскандии воздействовал протосаамский субстрат. В этом случае может быть целесообразно использовать предлагаемый Е. А. Хелимским термин, выделяя особую лопскую ветвь, которая тем самым вводится в северо-западную группу финских языков на равных правах с прибалтийско-финской и собственно саамской ветвью.

Задача, следовательно, сводится к тому, чтобы показать специфику лопской ветви, отличающую ее от саамских языков Фенноскандии. Эта проблема затронута, в частности, в статье Я. Саарикиви [см.: Saarikivi, 2004], пафос которой в том, что многое в лексике, извлеченной из субстратной топонимии саамов РС, трудно отделить от древних прибалтийско-финских форм, тем более что в старину бли-

<sup>3</sup> Включаем в их число и кольских саамов.

<sup>4</sup> У нас мало данных об этнониме *лопь* и его функционировании на РС, хотя он в какой-то мере отражен в этнотопонимии региона [см.: Матвеев, 2004, 210]. Скорее всего *лопь* – внешний этноним. В русской традиции древняя *лопь* и ее представители *лопари* или *лопяне* отождествлялись с саамами. Поэтому возникает вопрос, как называть носителей языка лопской ветви. *Лопари?* *Лопяне?* Но если древние саамы РС вовсе не саамы, то как мы можем именовать их *лопарями* или *лопянами*? А если они саамы, то зачем называть их внешним этнонимом?

зость этих языков была более значительной. Поэтому «саамство» (*Saamentum*) древних насельников РС проблематично. Позиция Саарикиви не очень определена, но как будто бы он склоняется к мысли о существовании на РС древних языков, близких как к прибалтийско-финским, так и к саамским языкам. Такая постановка вопроса закономерна, и о возможности существования подобных языков на РС в древности мы в свое время тоже неоднократно писали [см., например: Матвеев, 1978, 61]. Этот путь многообещающ, если будет доказано, что собственно саамов (которые не испытали влияния протосаамского субстрата) на РС не было. Но для решения этого вопроса недостаточно выявления лексических различий, сколь бы существенными они не были, тем более что в значительной части эти различия обусловлены наличием или отсутствием протосаамского субстрата. Для дифференциации тех или иных языковых общностей, решения вопроса о существовании особого языка и тем более языковой ветви наиболее существенны сведения о фонетике субстратных языков, которые удается получить при анализе древних названий.

В предположительно саамской субстратной топонимии РС часто сохраняется состояние, тождественное прасаамскому или близкое к нему, но нередки и явления, которые могут рассматриваться как более поздние и притом отражающие диалектные различия. Таковы топонимы с ярко дифференцирующей саамские названия консонантной группой *хч*, образованные от основ *нюхч*- ‘лебедь’, *чехч*- ‘осень’ (или ‘орел-рыболов’), *чухч*- ‘глухарь’ [см.: Матвеев, 2004, 94–95, 100, 103–105]. Они топонимически очень важны и широко распространены. Во всех этих случаях восстанавливаются прасаамские формы *\*ñukce*, *\*čekće* (или *\*čēkće*), *\*čukčē* и приведены соответствия в девяти основных саамских диалектах: западных – южному, Уме, Арьеплуг, Луле, норвежскому (северному) и восточных – Инари, Колтта, Кильдин и терскому [Lehtiranta, 88–89, 20–21, 24–25, 28–29]. Исключения минимальны – отсутствует соответствие для *\*čēkće* в диалектах Арьеплуг и южном, а также для *\*čukčē* в терском. Таким образом, эти слова распространены во всем современном саамском ареале, что и обусловило возможность уверенного восстановления соответствующих прасаамских форм, при этом в западных диалектах представлена консонантная группа *kt* (кроме северного, где *kč*), а в восточных – *hč*, *hčč*, *χč* (кроме терского, где *kč*, *kčč*). В то же время все приведенные саамские основы четко дифференцируются от прибалтийско-финских лексических соответствий: для *\*ñukce* при фин. *joutsen* реконструкция отсутствует, для *\*čukčē* – нет прибалтийско-финского соответствия (об отношении этого слова к коми *чукчи* см.: [Матвеев, 2004, 104–105]), а для *\*čekće*, *\*čēkće* восстанавливаются финно-саамские праформы *\*sükse* и *\*säkse* [см.: Korhonen, 1981, 172, 96], предельно близкие к прибалтийско-финским, но отличные от прасаамских и тем более современных саамских диалектных форм.

Что же отражено в субстратной топонимии РС? Формы, аналогичные прасаамским, здесь не засвидетельствованы, поскольку прасаам. *\*c*, *\*č* в этих словах соответствует *ч* (*tš*), притом что в субстратной топонимии РС звуки типа *\*c*, *\*č* встречаются достаточно часто [см. об этом: Матвеев, 2004, 222]. Напротив, в суб-

стратной топонимии зафиксированы формы, соответствующие современным саамским диалектам. Хотя реализации саамских лексем при русской адаптации разнообразны, так что нередко параллельные формы, между которыми происходит интенсивное взаимодействие, основные типы консонансов выделяются достаточно четко, тем более что этому способствуют и ареальные данные. Рассмотрим реализации всех трех основ *нюхч-*, *чехч-* и *чухч-* [подробности см.: Матвеев, 2004, 94–95, 100, 103–105], причем варианты формы, как правило, более редкие, во внимание не принимаются.

С основой *нюхч-* выявлены 15 названий, с *нюкиш-* – 2, кроме того засвидетельствованы *Нюкчозеро* (*Нюхтозеро*), *Нюхтезеро* (*Нюхтьозеро*) и *Нюхтозеро*. С основой *чехч-* зафиксированы 2 названия, с *чекч-* – 4, с *чекш-* – 8. С основой *чухч-* выявлены 18 наименований, с *чукч-* – 7 и с *чукш-* – 6. Формы с группой *хт(ь)* редки, встречаются только в названиях с основой *нюхт(ь)*, и должны рассматриваться как вторичные, особенно ввиду возможности чередования *т' ~ ч'* на русской почве (ср. *Тюленьга ~ Чуленьга*, *Чуденьга ~ Тюденьга* в названиях одного объекта) и влияния со стороны консонанса *хт*, широко распространенного в разных типах субстратной топонимии РС. Образования с консонансом *киш* характерны для Белозерского края, а также смежных с ним территорий и принадлежат диалекту белозерских саамов. Наименования с группой *хч* распространены по всему северу региона, но особенно много их на востоке в бассейне Пинеги, тогда как топонимы с группой согласных *кч* преимущественно располагаются западнее между ареалами *хч* и *киш*, особенно в бассейне Северной Двины близ устья Ваги (4 названия) и у Онежского озера (3 названия).

Намеченные границы нечетки вследствие взаимодействия консонансных типов, тем не менее намечается ареальный переход *киш > кч > хч* с юго-запада региона на север и северо-восток, что дает возможность предполагать наличие диалектного членения. При этом восточные формы с *хч* соответствуют восточным саамским диалектам (кроме терского), формы с *кч* – северному и терскому, а формы с *киш* являются специфическим достоянием белозерского диалекта. Вывод об отражении в субстратной топонимии РС следа праязыковых саамских черт вполне вписывается в рамки наших сегодняшних знаний о саамском языке. Но если это типичные саамские диалекты, возникает вопрос, в чем языковая специфика лопской ветви, и не правильнее ли допустить существование в субстратной топонимии РС реликтов тех древних саамских диалектов, которые существовали на территориях, где протосаамов не было. Естественно, что при этом никоим образом нельзя отождествлять двинские (и тем более белозерские) наречия саамов с какими-либо современными диалектами саамов Финноскандии. Зато становится ясным, что древнесаамский язык функционировал на территории РС в диалектной форме.

Существование особой лопской ветви могут подтвердить только весомые фонетические доказательства, а именно выявление отличий лопских названий от собственно саамских, притом не случайных, а образующих систему или какой-либо ее более или менее значительный фрагмент. Необходимо также помнить о том, что древнесаамские диалекты РС могли развить инновации, которые неизвестны саамам Финноскандии.

Уже установленные фонетические и грамматические характеристики древних саамских наречий РС в своем большинстве не отделяют их от фенноскандинавских диалектов, а объединяют с ними. Так, соответствие саам. *s* ~ саам. РС *š* можно объяснять сохранением ф.-уг. *\*š* > саам. РС *\*š*, переходом саам. *s* > саам. РС *\*š* [см.: Матвеев, 2004, 220], палатальным характером саам. *s* на РС и его восприятием русскими как *ш* [см.: Saarikivi, 2004, 191]. Но в любом случае ясно, что все это факты саамской речи и их русской адаптации, которым противостоит переход *\*š* > *h* в прибалтийско-финских языках.

Для того чтобы выделить особую лопскую ветвь, важны были бы и структурные признаки, если они отражены в топонимии, что, вообще говоря, бывает нечасто. В данном случае речь может идти о форме генитива единственного числа, который в прасаамском языке характеризовался формантом *\*n*, типичным и для прибалтийско-финских языков, но затем был утрачен, кроме крайне западных диалектов – южного и Уме [см.: Korhonen, 1981, 212]. В других современных диалектах саамского языка генитивная форма единственного числа образуется путем изменения основы. На РС никаких следов древней генитивной формы в типично саамских названиях пока не обнаружено<sup>5</sup>. Таким образом, и по этому структурному признаку древние саамские наречия РС объединяются с большинством современных саамских диалектов.

Тем не менее ясно, что на РС были особые саамские наречия, частично отражающие древнее состояние. Так, они подобно прасаамскому языку, а также кильдинскому и терскому диалектам сохраняют носовые в интервокальных консонансах типа *носовой* + *гоморганный* [подробнее см.: Матвеев, 2004, 222]. В других случаях возникают инновации, в частности, с кильдинским диалектом саамские наречия РС роднит развитие *\*ū* (или *\*u*) из прасаам. *\*ō* [см.: Там же, 223–224]. Как архаизмы, так и инновации весьма важны, поскольку в какой-то мере указывают на сохранение древних лингвоэтнических связей между саамами РС и Фенноскандии (особенно восточными саамами).

Учет междиалектных соответствий имеет большое значение для практики этимологизации субстратных названий РС. Е. А. Хелимский считает небесспорной эволюцию прасаам. *\*ō* > саам. РС *\*ū* (*u*) > рус. *у*, поскольку в ряде случаев прасаам. *\*ō* > саам. РС *\*ō* (*o*) > рус. *o* [см.: Хелимский, 2006, 48–49]. Поэтому он склонен отвергнуть кастреновскую этимологию гидронима *Кулой* (~ прасаам. *\*kōlē*, Кильдин *kūll* ‘рыба’), тем более что этот гидроним прилагается к двум крупным рекам, а фин. *oja* – ‘ручей’ [см.: Castrén, 1862, 102; Матвеев, 2004, 85–86]. Вза-

<sup>5</sup> Е. А. Хелимский считает, что генитивная конструкция с формантом *\*n* отражена в многочисленных субстратных топонимах на *-Vn(b)ga* [см.: Хелимский, 2006, 41–44]. Проблема топонимов с формантом *-Vn(b)ga* заслуживает отдельного обсуждения. Здесь ограничимся замечанием, что зона саамских названий на РС совпадает с ареалом *-Vn(b)ga* только частично [см.: Матвеев, 2001, карты 2 и 6], например на северо-востоке РС в бассейне Пинеги, где названия типа *Вырмоньга* (прасаам. *\*vēr̥mē* ‘рыболовная сеть’), *Нельменьга* (прасаам. *\*nāl̥mē* ‘устье’), *Явроньга* (прасаам. *\*jāv̥rē* ‘озеро’) и т. п. действительно могут содержать древнесаамский *n*-овый генитив [см. об этом: Матвеев, 2001, 272–273].

мен предлагается этимологическая альтернатива – фин. *kulo* ‘лесной пожар’ и *kuolo* ‘смерть’ [см.: Хелимский, 2006, 48–49]. Думается, однако, что старая этимология М. А. Кастрена не поколеблена.

Во-первых, на РС бытовал не прасаамский язык, а саамские диалекты, поэтому у прасаамского \**ō* могли быть разные рефлексy. Свою роль могла сыграть и позиция (тип консонантного окружения) и русская адаптация.

Во-вторых, значения слов в современных и восстанавливаемых языках могут различаться. Следовательно, надо исходить из топонимической действительности, а формант *-ой* (*-оя*, *-уй*, *-уя*, *-бой* и т. п.) на РС употребляется и в значении ‘река’. Есть ряд регионов, где он широко представлен и даже господствует (Белозерский край). Его ареал охватывает бассейн Кулоя, притока Ваги. Более северный Кулой, приток Мезенской губы, имеет, видимо, перенесенное название. Это доказывается тем, что метонимическая калька *Кулой* ~ *Коленьга* (приток Кулоя) есть у обоих Кулоев. Еще одно соображение относится к сфере закономерностей топонимической номинации, где обычна соотносительность величины объектов и их названий. Именно поэтому очень большая река *Пинега* – «Малая река» (по сравнению с Северной Двиной, притоком которой она является). Важский Кулой по сравнению с Вагой – ручей, как и мезенский Кулой по сравнению с Мезенью. Наконец, если мы считаем, что *-ой* в гидрониме *Кулой* не имеет значения ‘река’ или ‘ручей’, то возникает вопрос, какова же семантика этого форманта<sup>6</sup>.

В-третьих, семантическая модель «Рыбная река» распространена очень широко, особенно у народов, живущих рыбной ловлей и охотой. Метонимическая калька *Кулой* ~ *Коленьга* со своей стороны поддерживает предложенную этимологию [см.: Матвеев, 2000, 111–112]. Альтернативные же этимологии неприемлемы прежде всего с точки зрения закономерностей топонимической номинации. «Горелые» и «Мертвые» реки и ручьи встречаются весьма часто в топонимии разных народов, но это, как правило, ситуативные названия, которые характерны для малых объектов. Значительные реки *Горелыми* и *Мертвыми* не называют. Надо также иметь в виду, что основа *кул-* в топонимии РС засвидетельствована неоднократно и, следовательно, означала нечто существенно важное для местного населения.

Результатом обсуждения «лопской проблемы» могут быть следующие соображения.

Если считать, что обособление саамских языков от прибалтийско-финских произошло до ассимиляции протосаамов (в прибалтийско-финских языках нет следов протосаамского субстрата), то в субстратной топонимии РС могут быть засвидетельствованы реликты саамской речи, не содержащей протосаамского компонента. Однако выделение лопской ветви может быть апробировано только в том случае, если будут выявлены значительные различия между саамскими языками Фенноскандии и РС, тогда как предлагаемая классификационная схема уже сейчас приравнивает лопскую ветвь к прибалтийско-финской и саамской, допуская

<sup>6</sup> Предположение о связи гидронима *Кулой* с русскими прилагательными на *-ой*, *-ая*, *-ое* исключается ввиду его ареальной общности с другими субстратными названиями этого типа.



тем самым, что различия между лопской и саамской ветвью аналогичны различиям между прибалтийско-финской и саамской, хотя это не подтверждено фактами. Если такие факты будут обнаружены, предлагаемое наименование, конечно, можно использовать, особенно если допустить, что носители языка (языков) лопской ветви не имели самоназвания \**sāmē* [см.: Хелимский, 2006, 39]. Однако и этот вопрос нельзя считать окончательно решенным, так как в субстратной топонимии РС широко распространена основа *сям-*, которая предположительно может быть связана с этнонимом \**sāmē*, ср.: *Сяма* I, р. > оз. Кубенское (Влгд), *Сяма* II (*Сямова*), реч. > Пира > Выя (В-Т), *Сяма* III (*Сямохта*), тоня (Нянд), *Сяма* IV, бол., бор (Шенк), *Сямана*, поле (Вель), *Сямбуй*, р. > Пурноя > Тавреньга > Вель (Кон), *Сяменжа*, р. > Нозрега > Андома (Выт), *Сяменское*, бол. (Бабуш), *Сяменьга*, р. > Емца (Плес), *Сямка* I, хут. (Нянд), *Сямка* II, р. > Лохта > Уфтюга > Сухона (Тарн), *Сямков*, мыс (В-Т), *Сямов*, пережат (В-Т), *Сямова*, р. > Выя (В-Т), *Сямовка*, р. (и луг) > Болтунья > Кокшеньга (Тарн), *Сямово* I, мыс (В-Т), *Сямово* II, поле (В-Т), *Сямово* III, рукав Сев. Двины (К-Б), *Сямовское*, луг (К-Б), *Сямонево*, лес, поле (Он), *Сямоньга*, р. > Мезенская Пижма (Леш), *Сямручей* > Онега (Он), *Сямские*, бол. (Шенк), *Сямуй*, руч. > Кимжа > Мезень (Мез).

Эти названия представляют интерес по многим причинам: 1) они очень многочисленны и, следовательно, обозначают нечто топонимически (географически и исторически) важное; 2) среди них много посессивных образований на русской почве (10 из 24), что часто указывает на этноним в основе; 3) ареально эти названия охватывают большую часть территории РС, однако выклиниваются на юго-востоке и вообще отсутствуют в бассейне р. Юг, где распространена северно-финская топонимия; 4) основа высокочастотна, но для нее до сих пор не предложена этимология. Все это позволяет предположительно сопоставить топонимы с основой *сям-* с прасаам. \**sāmē*, саам. сев. *sabme*, Инари *säämi*, Колтта *sää'mm*, Кильдин *sä'mm* и тер. *samme* 'саам' [Lehtiranta, 1989, 120–121]. Закономерно возражение, что на русской почве следовало бы ожидать основу *сам-*, а не *сям-*. Но надо учитывать не только прасаамскую, но и диалектные формы, а данные диалектов Инари (*säämi*) и Колтта (*sää'mm*) как раз позволяют реконструировать основу *сям-*. Прафинно-саамская реконструкция \**sämä* [Korhonen, 1981, 42; Хайду, 1985, III] также подтверждает возможность предполагаемого этимологического решения, а переход \**š* > *s* прямо свидетельствует о древнесаамском происхождении топонимов с этой основой.

Многочисленность и разнотипность приведенных 24 названий со своей стороны указывают на то, что они могли принадлежать не только саамам, но и народам, которые с ними контактировали. Показательно, что надежные субстратные форманты зафиксированы лишь в шести случаях, а детерминант \*-*сяма* вообще не засвидетельствован. При высокой частотности основы это делает географическую семантику основы маловероятной. Поэтому можно предположить, что основа, которая в языке-источнике могла выглядеть как \**sä(ä)m(V)* действительно была этнонимом ('саам'), который был самоназванием саамов и был известен соседям. В речи русского населения реконструированная форма этнонима закономерно была бы преобразована в \**сям(a)*.

Это предположение хорошо согласуется с объяснением этнонима *самоед*, который возник в результате переноса самоназвания саамов на ненцев [см.: Хайду, 1985, 124], разумеется, не без посредства русской народной этимологии, а также с замечанием Е. А. Хелимского, что «подобный перенос мог произойти только в мезенско-печорской зоне лопско-ненецких контактов» [Хелимский, 2006, 39]. В пределах региона РС возможности переноса этого этнонима на другие народы были еще шире.

Выделение особой тоймской ветви также вызывает вопросы. Прежде всего надо внести ясность в интерпретацию предлагаемого обозначения. Е. А. Хелимский пишет, что тоймская ветвь «в южной части бассейна Северной Двины... примерно соответствует “севернофиннам” А. К. Матвеева и заволочской чуди» [Хелимский, 2006, 39]. Но «северно-финские языки» – термин условный, обозначающий еще не идентифицированные языки РС, которые содержат компоненты, имеющие соответствия в прибалтийско-финских и саамских языках, вместе с тем обнаруживая определенную близость с волжско-финскими и пермскими языками, а также имеют свою собственную специфику, т. е. это языки субстратной топонимии РС, которые мы не можем определенно считать прибалтийско-финскими или саамскими, причем соотношение прибалтийско-финских, саамских, волжско-финских и иных параллелей в них может быть различным. Таким образом, в нашем понимании термин «северно-финские языки» имеет временный методический статус. В дальнейшем этот термин может и не понадобиться или получить другое значение. Однако территориально эти языки действительно связаны прежде всего с юго-востоком РС, хотя, например, язык гидронимии на *-Vн(ь)га*<sup>7</sup>, будучи одним из таких северно-финских языков, иррадиировал далеко на север и северо-запад. Возникает вопрос, можно ли назвать язык самого распространенного гидронимического типа региона по жителям бассейнов небольших рек, даже если на них обитала некая особая этническая общность (*тоймичи поганые*). К северно-финским же безоговорочно надо относить язык гидронимии на *-Vг* в бассейне реки *Юг*, ареал которого намного превышает зону тоймской топонимии. Этот язык можно именовать южанским, тем более что этноним *южане* зафиксирован в древнерусских памятниках, хотя и не совсем понятно, относится ли он к финно-уграм или к какой-то территориальной группировке русских.

Отсюда следует, что термин «северно-финский» по своему содержанию никак не может быть соответствием для «тоймский». Он намного шире и по языковому континууму и территориально, поскольку древние тоймичи населяли лишь ничтожную часть северно-финского ареала. Вполне возможно, что тоймичи говорили на каком-то северно-финском языке, но их топонимия как единый комплекс пока не изучалась. Своя специфика в языке тоймичей, очевидно, была, однако гидроним *Тойма* встречается и в других местах РС, а также и за его пределами, причем А. И. Попов считает первичным этноним *тойма*, а его носителей – финно-угорским племенем пермского типа [см.: Попов, 1965, 57–59].

<sup>7</sup> Может быть, языки гидронимии на *-Vн(ь)га*.

Все это в совокупности не позволяет считать целесообразным перенос наименования *Тойма* > *тоймский* на всю обширную зону распространения северно-финских языков. Но этот термин может использоваться в собственном прямом смысле для обозначения языка (диалекта) древних насельников бассейнов рек Верхняя и Нижняя Тойма в независимости от того, окажется ли данный язык северно-финским или пермским. Следует, однако, подчеркнуть, что неоднократно цитируемое место из «Слова о погибели Русской земли» о расселении поганых тоймичей [см. также: Хелимский, 2006, 39] можно понимать по-разному: или они занимали всю территорию от Корелы до Устюга (это явно не соответствует действительности), или жили где-то на этой территории, или обитали около Устюга (это скорее всего). Но следы пермской топонимии обнаруживаются на правом берегу Северной Двины.

Сходная ситуация сложилась и на Пинеге, где по ее притоку реке *Сура* обитала тоже упоминаемая в древнерусских источниках *сура поганая*. Возможно, и существовал какой-то *сурский* диалект, но было бы ошибкой переносить этот термин на весь пинежский регион, а юго-восток РС еще обширнее. Как *тоймичи поганые*, так и *сура поганая* – типичные микроэтнонимы, указывающие на язычество местного населения, обитавшего в определенном микрорегионе (по какой-либо реке), которое могло, разумеется, иметь свое наречие, но могло и пользоваться каким-нибудь широко распространенным языком или его диалектом. Все это – предмет будущих разысканий.

Мерянская ветвь в северо-западную группу финских языков включается Е. А. Хелимским со справедливой оговоркой, что это небесспорно. Действительно, монография О. Б. Ткаченко [1985] о мерянской лексике русских говоров основана на очень пестрых фактах, во многом некритически воспринятых, что обусловило и проблематичность выводов. Многочисленные статьи А. Альквист [1997, 2000а, 2000б, 2001 и др.], посвященные мерянской субстратной топонимии, несмотря на ряд отдельных ценных наблюдений, не содержат каких-либо более или менее аргументированных выводов о природе мерянского языка. Кое-какие надежные результаты, правда, уже получены, и они могут служить своего рода точкой отсчета для будущих исследований. Так, установлено, что: 1) мерянский язык – финский, но на обширной мерянской территории топонимия очень пестра и может принадлежать разным языкам и диалектам; 2) восточно-мерянская территория по некоторым топонимическим показателям отличается от западно-мерянской; 3) есть общие черты, объединяющие мерянскую и северно-финскую топонимию; 4) имеются интересные параллели между мерянскими и саамскими названиями (на что указывал в свое время и А. И. Попов [1974, 26]). Но это соображения самого общего характера, поэтому до решения мерянской проблемы вопрос о связи мерянского языка с прафинно-саамским может считаться только постановочным.

Сейчас актуально решение двух частных, но немаловажных для лингвоэтнической идентификации мерянской топонимии вопросов – о происхождении ойконимов на *-бал*, *-бол* на мерянской территории и гидронимов на *-ингирь* в восточно-мерянской зоне.

Традиционно ойконимы на *-бал*, *-бол* в мерянском ареале более или менее удачно объясняются из марийского языка, во всяком случае, лучших этимологий

пока никто предложить не мог. Попытка А. Л. Шилова осуществить массовую этимологизацию названий этого типа путем привлечения данных субстратной топонимии РС и разных финских языков [см.: Шилов, 2001, 17–24] была полезной, но интерпретация названий, распространенных от Мезени до Оки, без учета географии (расположенных по алфавиту, как в статье А. Л. Шилова), способна в конечном счете дать только самый общий результат, что это финские в широком смысле топонимы. Для решения мерянской проблемы должна привлекаться первоначально только топонимия исторических мерянских земель, которую затем можно сопоставить с аналогичными названиями РС. Смешение же ареалов непродуктивно.

Гидронимы на *-ингирь* А. И. Попов считал поздним марийским наслоением [см.: Попов, 1974, 24–25]. К этой точке зрения присоединилась А. Альквист, которая не исключает, однако, «возможное наличие данного географического термина, например, в северных и восточных диалектах мерянского языка» [Альквист, 1997, 31]. Е. А. Хелимский поддерживает предположение А. И. Попова [см.: Хелимский, 2006, 39].

При решении этого вопроса необходимо учитывать следующее: 1) на восточно-мерянской территории зафиксированы этнопонимы, образованные от этнонима *меря*, типично мерянские детерминанты (*-бал*, *-бол*) и основы (*вёкс-*, *яхр-*); 2) на восточно-мерянской территории, кроме названий на *-ингирь* (*Ингирь*), не выявлены топонимы, форманты которых можно было бы интерпретировать как марийские, что для адстратной ситуации необычно; 3) некоторые гидронимы на *-ингирь* имеют убедительные соответствия не в марийской, а в мерянской топонимии, ср. *Ухтынгирь* ~ *Ухтубуж*, *Шачингирь* ~ *Шачебол* и особенно недавно выявленное ТЭ *Печенгирь* ~ *Печегда* с основой *печ-* ‘сосна’ (прасаам. \**pēcē*, морд. \**pitše*), отличающейся от мар. *пүнчө* ‘сосна’. Поэтому, видимо, не стоит сомневаться в функционировании термина \**iŋir* в восточно-мерянском языке (диалекте), особенно учитывая распространение названий этого типа не только в западной части Костромской области, но и в Ивановской и Владимирской областях, т. е. там, где пребывание древних марийцев вообще проблематично.

Существование еще одной ветви северо-западных финских языков – тверской – обосновывается единственным примером: рус. твер. *виша*, *вишь* ‘речная зелень’ ~ ф.-уг. \**wiša* ‘яд; зеленый’ > приб.-фин. *viha* ‘ненависть’ с сохранением \**š* (> приб.-фин. *h*) [см.: Хелимский, 2006, 39–40]. Это сопоставление примечательно, но одного лексического заимствования все-таки недостаточно для предположения о существовании особой тверской ветви в северо-западной группе финских языков, тем более что в этом случае нельзя исключить обычное обратное словообразование на русской почве (\**viha* > \**виха* > \**вишка* > *виша*, *вишь*). Кроме того, следует учитывать и многочисленные факты тверской и новгородской субстратной топонимии, в частности распространение на территории Тверской области и даже севернее – в Новгородской области географических названий финно-угорского типа, тяготеющих по своим фонетическим и структурным характеристикам к зоне исторических мерянских земель, ср. гидронимы *Верегжа*, *Колошка* (< ? *Колокша*), *Корокса*, *Менекша*, *Мологжа*, *Порогжа* и т. п. и *Верекса*, *Колокса*, *Колокша*, *Молокса*, *Молокша* и т. п. в мерянских и смежных с ними землях. Может

быть, названия такого рода как раз и помогут выделить искомую тверскую ветвь, но для начала следовало бы отделить их от мерянских или объединить с ними, а также решить вопрос о связи тех и других с субстратной топонимией РС.

В заключение несколько слов о предлагаемой терминологии в целом. Оба обозначения вновь выделяемой группы финно-угорских (или финских) языков – северо-западная и верхневолжская – не представляются удачными. Прилагательное *северо-западный* создает трудности с производными. Уже с этой точки зрения термин «(пра)северо-западно-финский» язык не кажется находкой. Кроме того, он вызывает определенные ассоциации с употребляемым за рубежом (а иногда и у нас) термином «западно-финские» (нем. *westfinnisch*) в смысле «прибалтийско-финские языки» и образует нелогичный ряд: северо-западные, марийские, мордовские, пермские языки (или, если использовать «забракованный» термин «волжско-финские языки»: северо-западные, волжско-финские, пермские языки). В любом случае классификация непоследовательна, так как смешиваются генетический и географический принципы членения языкового континуума. Не лучше и термин «верхневолжские языки»: как по вышеизложенным причинам, так и потому, что марийские и мордовские языки также относятся к верхневолжскому региону.

Если выделение северо-западной группы финских языков будет апробировано (и даже если окажется, что их членение сложнее, чем сейчас предполагается), то, может быть, приемлемее будет следующая терминологическая схема: северно-финские языки (термин, как уже указывалось, «свободен»), соответствующие северо-западным языкам Е. А. Хелимского и географически привязанные к северу Восточной Европы (Фенноскандии и Русскому Северу), который традиционно противопоставлен русскому Северо-Западу, восточно-финские (пермские) языки (термин уже употреблялся) и южно-финские (мордовские, марийские). Объединение мордовских и марийских языков проблематично, но в остальных отношениях это терминологическое построение кажется более удобным. Вопрос, разумеется, дискуссионен.

---

*Альквист А.* Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // *Вопр. языкознания.* 1997. № 6. С. 22–36.

*Альквист А.* Меряне, не меряне... (I) // *Вопр. языкознания.* 2000. № 2. С. 15–34.

*Альквист А.* Меряне, не меряне... (II) // *Вопр. языкознания.* 2000. № 3. С. 83–96.

*Альквист А.* Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // *Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и Финны / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева.* СПб., 2001. С. 436–467.

*Матвеев А. К.* Русск. диал. *чильма* // *Этимология русских диалектных слов.* Свердловск, 1978. С. 54–61.

*Матвеев А. К.* Топонимические этимологии. XII // *Этимология 1997–1999.* М., 2000. С. 106–115.

*Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера: В 3 ч. Ч. I. Екатеринбург, 2001; Ч. II. Екатеринбург, 2004.

- Попов А. И.* Географические названия: (Введение в топонимику). М.; Л., 1965.
- Попов А. И.* Топонимия древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974. С. 13–28.
- Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев, 1985.
- Хелимский Е. А.* Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопр. ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.
- Шилов А. Л.* О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопр. языкознания. 2001. № 6. С. 13–27.
- Castrén M. A.* Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII. SPb., 1862. S. 86–106.
- Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. MSFOu., 200. Helsinki, 1989.
- Saarikivi J.* Über das saamische Substratnamengut in Nordrußland und Finnland // FUF 58. 2004. S. 162–234.

\* \* \*

*Александр Константинович Матвеев* – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).